УДК 94 (47).072

С. Н. Искюль

Русско-прусский дипломатический казус за несколько месяцев до Аустерлица

Внешнеполитическая и связанная с нею дипломатическая история первой коалиционной войны александровского царствования против Франции сложна и многообразна, поскольку едва ли не предельно насыщена разносторонними переговорами как до, так и в продолжении этой войны. Немалую роль в этих переговорах российская сторона отводила Пруссии, поскольку прусский «акцент» этих переговоров заранее был предопределен в силу географического положения Пруссии в Центральной Европе. Для Александра I деятельное участие Пруссии в коалиции европейских держав казалось более чем естественным и желанным, поскольку союз с прусским королем был для него связан еще и личными отношениями, возникшими со времени Мемельского свидания в 1803 г. Эпоха высокой дипломатической активности оставила после себя немало интереснейших документов, в той или иной мере использованных как мемуаристами, так и историками; однако далеко не все из этих документов с тех пор были известны исследователям, а некоторые из них, обнаруженные в архивах, таковы, что привносят новую тональность в уже известную картину внешнеполитической истории войны.

Так, среди документов, отложившихся в фонде «Ministère» и отражающих многообразную деятельность российского Министерства иностранных дел, имеется документ, во всех отношениях примечательный. Документ этот носит название «Проект манифеста против Пруссии. 1805 г.» (Projet de Manifeste contre la Prusse. 1805)[1]. Следует сразу же оговориться, что название документа

[1] Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1805. Оп. 468. Ед. хр. 7875.

значится только на обложке, оформленной определенно не сразу по поступлении «Манифеста» в архив Министерства, но в более позднее время, скорее всего во второй половине XIX в. Справа в верхней части первого листа документа имеется помета «К миссии тайного сов [етника] Н. Новосильцева» (ad. Mission du Cons. privé N. de Novassilzov). Это важное указание на принадлежность документа и его возможную роль в одной из миссий «молодого друга» Александра I Николая Николаевича Новосильцева, который в 1804–1805 гг. много занимался выполнением дипломатических поручений государя, требующих особой деликатности. Чуть ниже этой пометы дата — 22 8bre/ 3 9bre; такое цифровое обозначение месяцев весьма характерно для начала XIX в. и легко расшифровывается как 22 октября/ 3 ноября 1805 г.

Дата 22 октября/ 3 ноября 1805 г. вызывает особый интерес. Дело в том, что именно так датируется и итоговый документ русско-прусских переговоров, имевших место осенью 1805 г., а именно «Русско-прусская конвенция о совместных действиях против Франции», заключенная в Потсдаме министром иностранных дел Пруссии бароном Карлом-Августом фон Харденбергом и товарищем министра иностранных дел России князем Адамом Чарторыйским[2], однако содержание «проекта манифеста» прямо противоположно тому, что составляет содержание русско-прусской конвенции и ее секретных статей. «Проект» ни разу не привлекал к себе внимания исследователей ни тогда, когда архивы Министерства иностранных дел были доступны только по Высочайшему повелению, ни позднее, в более либеральные времена. Документ не был опубликован или хотя бы упомянут во вводных статьях или в примечаниях к текстам документов в известных публикациях, подготовленных Ф. Ф. Мартенсом, А. С. Трачевским, Н. К. Шильдером; не был он и аннотирован или использован в примечаниях в капитальной публикации дипломатических документов «Внешняя политика России XIX и начала XX века» при, казалось бы, самом пристальном внимании к документам дипломатического ведомства России.

Документ начинается словами, обычно предваряющими такого рода государственные акты («Мы, Александр 1-й и проч. и проч. и проч.»), и открывается обширной преамбулой, в которой содержится подробный обзор внешней политики России начала XIX в. и оценка усилий российского внешнеполитического ведомства по умиротворению Европы и организации очередной антифранцузской коалиции. «Пагубная борьба, продолжающаяся между Англией и Францией, — говорится в “проекте”, — которая косвенным образом угнетающе действует на остальной континент; равновесие[3] держав в Европе, с каждым днем всё более нарушаемое ненасытным честолюбием французского

[2] Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я (1801–1815). / Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. М.: Госполитиздат, 1961. Т. II (далее: ВПР). С. 613–619 и далее.

[3] Далее карандашом зачеркнуты слова: «охраняющее правительства» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 7875. Л. 14).

правительства, и непрестанная опасность, угрожающая второразрядным государствам (les Etats du second ordre) постепенным исчезновением, а некоторым более крупным державам — принуждением подчиниться силе или дожидаться прискорбных обстоятельств, коими отлична нынешняя эпоха, — всё это с давних пор сделалось предметом нашей особой заботы».

Пометы на полях документа и в самом тексте — вставки, подчеркивания и обводы отдельных абзацев сделаны карандашом; некоторые из них обведены чернилами, другие оставлены без перемен. Против каждой вставки в текст «проекта» на поле проставлено «NB», рядом с которым чернилами написана арабская цифра. Такими цифрами секретари отмечали пометы императора, которые Александр I делал по своему обыкновению простым карандашом. Этот факт, достаточно хорошо известный тем, кто изучал документы, с которыми работал император, подтверждается пометой на левом поле одной из страниц данного документа: под карандашной пометой рукою писца (секретаря) чернилами проставлено «Notes autographes de S. M. I. aucrayon»[4].

Интересующий нас документ весьма многословен и объемен, а это позволяет заключить, что он едва ли предназначался для опубликования в качестве манифеста; у этого документа иная, более камерная, если можно так выразиться, роль, ибо манифест, в силу сложившейся практики, — это исходящий непосредственно от высочайшей власти (императора) торжественный акт, которым монарх всенародно и публично объявляет о своих правах, требованиях, намерениях, о принятии чрезвычайных мер и который составляется в краткой, чаще всего ограниченной форматом листа декларативной форме.

«После того, как употребили мы наши заботы о том, чтобы предупредить к несчастью разгоревшуюся войну, — продолжает свою мысль неустановленный составитель документа, — после тщетных попыток потушить новый пожар при самом его возникновении мы не перестали иметь в виду средства восстановить справедливый мир, а с ним и порядок, способный утвердить его продолжительность». Очевидно, что здесь имеются в виду усилия российского правительства, направленные на осуществление посредничества (ради того, чтобы способствовать заключению мира между Францией и Турцией), встреченного с раздражением в Лондоне, но, тем не менее, включенного российским представителем А. И. Морковым в текст русско-французской конвенции[5], подписанной в Париже 11 октября 1801 г. Под этой общей формулировкой скрывается также деятельность российской дипломатии по упорядочению германских дел в связи с так называемыми «индемнизациями» — вознаграждением германских принцев, понесших территориальные потери в результате Люневильского мира 1801 г. между Французской республикой и Священной Римской империей.

[4] Там же. Л. 32.

[5] *Соловьев С.М.* Император Александр Первый. Политика — дипломатия. СПб: [Тип. Стасюлевича], 1877. С. 30.

«Принужденные прервать все наши политические отношения с кабинетом Сен-Клу, который, под предлогами столь же оскорбительными, как и ничтожными, отказался выполнить свои обязательства, принятые им по отношению к нам...» — так трактуются в «проекте манифеста» причины разрыва русско-французских отношений, поводом к которому послужил захват представителя младшей ветви Бурбонов герцога Энгиенского в баденском городе Эттенгейме и его расстрел 21 марта 1804 г. по приговору военного суда, утвержденному Первым Консулом. Оскорбительным же было не только это обстоятельство, но в особенности то, что в ответе министра иностранных дел Шарля-Мориса де Талейрана на ноту российского правительства от 30 апреля (12 мая) 1804 г.[6] содержались строки, которые можно было истолковать как намек на причастность императора к насильственной смерти Павла I[7].

«Мы разделяли всеобщее негодование, вызванное многочисленными узурпациями названного правительства, — говорится далее в “манифесте”, — которое в презрении всех прав и в нарушение всех договоров присоединяло к себе или, наоборот, по собственному произволу оставляло существовать государства, суверенитет коих оно гарантировало, и в то же время[8] принуждало к тому других, побуждая оные желать цепей, каковые оно для них приготовило».

Далее в документе идет речь о том, что русская сторона согласилась «на настоятельные просьбы Его Британского Величества о посреднике, который, устраняя поначалу всякие дипломатические формальности и недоверие, был бы уполномочен представить главе французского правительства основы всеобщего умиротворения, одобренные Англией». При этом в манифесте этот шаг объясняется «предпочтением благодеяний мира перед всеми преимуществами славы, купленной ценою счастия народов». Там же указывалось, что «Европе известна вся обширность жертв[9], которые от нас потребовал и может еще потребовать этот шаг; и ей известно также, что мы не противополагали тому иных пределов, кроме тех, кои совместимы с нашим достоинством». Известно, что роль исполнителя посреднической миссии была предназначена Н. Н. Новосильцеву, который был направлен в Лондон и вел там переговоры по всему кругу европейских проблем с британским премьер-министром Уильямом Питтом в ноябре 1804 — январе 1805 г., однако от продолжения посреднической миссии в Париже российское дипломатическое ведомство отказалось, чему способствовала активная внешняя политика Франции.

Дальнейшее развитие событий в Европе, как оно изложено в документе, было таково, что «присоединение Лигурийской республики к Франции (июнь

[6] Нота поверенного в делах в Париже П.Я. Убри министру иностранных дел Талейрану // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 77. С. 593–595.

[7] Нота Талейрана–Убри, 16 мая 1804 // Там же. С. 606–609.

[8] Далее следует зачеркнутое карандашом Александра I слово «увлекало» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1805. Оп. 468. Ед. хр. 7875. Л. 15).

[9] Подчеркнуто рукой Александра I (Там же. Л. 16.).

1805 г. — *С. И.*) должно было повлечь за собой разрыв последней связующей нити переговоров, и именно тогда, чтобы отказаться от них, справедливо встревоженный Венский двор предложил нам, а равно и воюющим державам, свое посредничество, добрые услуги и пригласил Прусский двор оказать им поддержку». Предложение австрийского посредничества в общих чертах документально подтверждается[10], однако российское правительство с самого начала трактовало это «приглашение» Пруссии весьма энергично и соответственно условиям времени, что и следует из дальнейшего изложения «проекта манифеста». Переходя к прусской теме, составитель документа тем самым подходил к основному сюжету «манифеста», в котором в этой связи далее говорится следующее:

«Мы приняли эти (имперско-австрийские. — *С. И.*) предложения с готовностью, каковую следовало ожидать, зная наши принципы и чувства; но многолетний опыт убедил нас в том, что отныне следовало бы поддерживать всякие миротворческие демарши энергичными мерами, и на сей случай мы привели в движение часть наших сухопутных и морских сил, предписав им двигаться со всевозможной поспешностью ко всем пунктам, образуя обсервационную и посредствующую армии (armée de mediation); они будут в силах придать нашим переговорам, так же как и переговорам наших друзей и союзников (Англии, Австрии и, возможно, Швеции. — *С. И.*), характер, поистине внушительный — единственно, что способно ускорить и утвердить их успех». При этом объектом действия армий, нацеленных на «подталкивание» переговоров в нужном направлении, неизбежно становилась Пруссия, держава, которой русская сторона должна была оказывать особенное «содействие и поддержку».

Причины, побуждавшие российского императора отводить Пруссии весьма важную роль во внешней политике России, в «проекте манифеста» изложены следующим образом: «Известные качества Его Прусского Величества, дружба, которая нас объединяет с этим государем, чистота его принципов, разумеющиеся интересы его монархии, которая могла подвергнуться опасности в недалеком будущем; наконец, чувства чести, одушевляющие прусскую нацию, — все это уже с давних пор приучило нас видеть в короле могущественного друга, который в тот момент, когда несчастия Европы потребовали великого, общего и соединенного усилия, обнаружил бы себя в первых рядах, защищая дело, общее для всех народов». Но к этим причинам необходимо присоединить еще по меньшей мере две важнейшие причины, а именно: так сказать, причину геополитического порядка, т. е. положение Пруссии в Европе относительно России и Франции и влияние Пруссии в среде родственных российскому императорскому дому владетельных государей Священной Римской империи германской нации. «Независимо

[10] См. декларацию российского посла в Вене князя А.К. Разумовского Министерству иностранных дел Священной Римской империи (Австрии) от 22 июля (3 августа) 1805 г. // ВПР. Т. II. С. 491–494.

от союза, существующего между двумя народами[11], — говорится в "проекте манифеста", — Его Прусское Величество вступил с нами в обязательства, клонящиеся к тому, чтобы отразить наступление французских войск в пределы Ганновера на севере Германии[12], и эти обязательства, продиктованные общей заботой, были для нас весьма успокоительным залогом истинных намерений короля, их существенного соответствия нашим намерениям и образа действий, благодаря коему они могли бы проявиться при известных обстоятельствах».

Далее рукою Александра I сделано примечание (NB): «Мне кажется, что здесь мы не вправе ничего менять. Соглашение от 24 мая 1804 г., на которое делается намек в этом пассаже, всегда рассматривалось Россией как исключительно оборонительное по отношению к Франции, и Петербургский кабинет никогда не соглашался признать расширительное толкование, которое Берлинский кабинет пытался с тех пор придать сему соглашению»[13]. Указание на так называемое «расширительное толкование» мы находим в депеше генерал-адъютанта барона Фердинанда Федоровича фон Винцингероде, который был послан в Берлин и Вену для ведения переговоров о создании антифранцузской коалиции: «Берлинский кабинет считает, что конвенция от 24 мая 1804 г. (обе стороны называли декларации о совместных действиях конвенциями. — *С. И.*) препятствует принятию Россией когда-либо в будущем против Франции мер, которые могли бы распространить войну на Север Германии, и утверждает, что Россия сама установила для себя это условие, стесняющее ее свободу, своим соглашением с Пруссией»; прусский канцлер фон Харденберг настаивал на том, чтобы распространить сферу действия «конвенции» от 24 мая 1804 г. на Мекленбург, Верхнюю и Нижнюю Саксонию и земли, находящиеся «по эту» сторону Везера и Эльбы[14]. Вероятно, Александр I препятствовал этому толкованию соглашения, так как усматривал в этом поползновения Пруссии к созданию пропрусской ассоциации германских государств, что нарушило бы баланс сил в Германии.

«По мере того как события принимали более тревожный оборот, — говорится далее в "проекте манифеста", — конфиденциальные сношения, которые были у нас непосредственно с Его Прусским Величеством, став постепенно еще более близкими, получили дальнейшее свое развитие таким образом, что это убедило нас в справедливости нашей доверенности». Этот абзац обведен карандашом, а на полях слева дана другая редакция: «Это счастливое согласие истинных

[11] «Союзный трактат» между Россией и Пруссией от 16 (28) июня 1800 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Мартенс. СПб., 1883. Т. VI. С. 250–283 (текст договора с предисловием составителя).

[12] Имеется в виду декларация Пруссии о совместных действиях с Россией по обороне северной Германии от 17 (24) мая 1804 г., которая являлась ответом на русскую декларацию, адресованную Пруссии (ВПР. Т. II. С. 30–33, 61–64).

[13] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1805. Оп. 468. Ед. хр. 7875. Л. 17.

[14] Винцингероде Ф. Ф. — Чарторыйскому А. А., товарищу министра иностранных дел, 10 (22) 1805 г. // ВПР. Т. II. С. 347–349.

чувств короля с нашими, вполне проявилось в конфиденциальных отношениях, которые имели мы непосредственно с Его Прусским Величеством и которые стали со временем еще более близкими». Это «счастливое согласие» в полной мере подтверждается перепиской, существовавшей между Александром I и Фридрихом-Вильгельмом III, которая была особенно интенсивной именно в это время и приобрела характер дружественный или, как говорили тогда, интимный.

«...Искренние наши дружественные чувства к королю побудили нас оценить преходящие обстоятельства, которые, подавляя его мужество, заставляли короля принуждать себя действовать крайне осмотрительно, что, по крайней мере, до времени, имея в виду общие интересы, можно извинить». Но далее в «проекте манифеста» берут верх критические оценки, тон становится более суровым без всяких скидок на обстоятельства, в которых можно было бы найти извинения действиям прусского правительства.

«Какими тесными ни должны были быть границы этой осмотрительности, в особенности по отношению к правительству, находящему удовольствие смешивать уступчивость со страхом и без малейшего труда поставляющему себе в заслугу изъявление покорности, с прискорбием видим мы[15], что король, наш союзник, усвоил привычку к покорности и неприметным образом стушевался перед могущественным влиянием французского министерства. С болью слушали мы, как Тюильрийский кабинет расточает хвалы услужливости Пруссии, каковой услужливостью пользовался он один; как гордился он дружбой с Его Прусским Величеством и свидетельствовал ему коварные знаки внимания, клонящиеся к тому только, чтобы лишить сей двор последнего уважения и ввергнуть его в презрение».

Как известно, Пруссия упорно придерживалась своей прежней политики как по отношению к России, так и по отношению к Франции. Тщетно в Петербурге рассчитывали, что эттенхаймское событие заставит Пруссию отказаться от политики нейтралитета. В ответ на письмо Александра I об этом событии Фридрих-Вильгельм III писал, что заботы и чувства императора достойны его характера и влекут за собой живейшую признательность, но политика Пруссии имеет в виду великую цель — сохранение спокойствия в Центральной Европе, а Наполеона нельзя принудить дать полное удовлетворение иначе как с оружием в руках. Александр I в этом письме писал королю: «Признаюсь, весьма прискорбно было бы для меня, если не увижу я Ваше Величество... принимающим деятельное участие в славе восстановления политического равновесия Европы»[16]. Но Фридрих-Вильгельм в своем упорном желании сохранить мир

[15] Далее вставка карандашом на левом поле: «опасное распространение, которое Тюильрийский кабинет не прекращал придавать тому, что называл он услужливостью и дружбой с Пруссией» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1805. Оп. 468. Ед. хр. 7875. Л. 18).

[16] АлександрI — Фридриху-Вильгельму III, 3 июня 1804 г. // Correspondence in édite du Roi Frédéric-Guillaume III et de la Reine Louise avec 1' Empereur Alexandre. D'apres les originaux des Archives de Berlin et de Saint-Pétersbourg / Publiee par P. Bailleu. Leipzig; Paris: H. Hirzel, 1900. P. 51.

и не оказаться принужденным принять участие в рискованном предприятии (коалиции) не хотел признать, что уступка Наполеону ведет точно так же, если не быстрее, к войне, как и сопротивление. Это убеждение прусского короля еще более окрепло, когда, выступив в деле британского посланника при Нижнесаксонском округе Джорджа Рамболда, подвергшегося аресту, гарантом безопасности округа, прусская сторона потребовала от Франции удовлетворения и получила его: британский дипломат был освобожден. Наполеон, с тех пор уже император французов, зная о том, что Россия и Англия стремятся создать коалицию против Франции, осуществлял политику, направленную на подрыв усилий держав; для этого ему нужно было сохранить франко-прусские отношения на достигнутом уровне и помочь Пруссии остаться нейтральной. С этой целью французская сторона неоднократно предлагала Пруссии различные уступки, главным образом территориального характера, в частности курфюршество Ганновер (владение Англии); при этом Россия и Австрия, вполне возможно, и не начали бы войны, если бы Пруссия выступила союзницей Франции. С этой целью Наполеоном были предприняты и меры дипломатической поддержки Пруссии, на которые с негодованием указывается в «проекте манифеста».

«Мы с негодованием не раз слышали, как глава французского правительства в своих воззваниях и речах отдавал должное тому, что называл он прусским veto в Европе. Это слово должно было выражать, собственно говоря, прискорбное право предупреждать всякое согласие, всякое единение держав, препятствовать всем их мерам, ослаблять их усилия, пока они противостояли проектам Наполеона (речь идет о мерах дипломатического характера, которыми Берлинский кабинет блокировал усилия держав, направленные на вовлечение Пруссии в коалицию. — *С. И.*). Вся Европа во весь голос[17] разоблачила сие veto как охранную грамоту подстрекательств, насилий, захватов Франции; вся Европа обвиняла это veto в узурпациях, которые с таковой же быстротой, как и с наглостью изменяло день ото дня политическую картину континента».

Далее следует комплимент по адресу Пруссии: «Здоровая и просвещенная часть самой прусской нации, самые отважные души ее армии, без сомнения, роптали так же, как и сам король на счет той гнусной роли, которую французскому правительству угодно было им предложить и». После этого слева на поле карандашом было написано Александром I продолжение этой фразы: «сама Пруссия, несомненно, видела, испытывая страдания от того[18], что делалось под прикрытием ее имени, что кабинет Сен-Клу осмелился позволить себе расстроить силы, охраняющие равновесие, и подкапываться под основы сообщества наций».

Однако это отступление было сделано, вероятно, только для того, чтобы

[17] Это декларативное начало фразы весьма характерно для терминологии тогдашних дипломатических кругов, близких к силам Старого порядка.

[18] Далее, до слов «ее имени» включительно зачеркнуто чернилами (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1805. Оп. 468. Ед. хр. 7875. Л. 17 об.).

сразу же перейти к оценке событий, связанных с неприятным объяснением между петербургским и берлинским дворами по поводу Швеции.

По договору с Великобританией шведский король Густав IV обязался выставить в Померании 25 тысяч солдат для войны против Франции. Однако в Берлине были озабочены сохранением нейтралитета, что было затруднительно в случае перенесения войны в Северную Германию. Поэтому шведский король был поставлен в известность о том, что Пруссия ради поддержания нейтралитета Северной Германии считает необходимым занять шведскую Померанию своими войсками. Это встретило нежелательную для Пруссии реакцию Петербурга: Россия заявила о том, что выполнит свой союзнический долг по отношению к Швеции и придет к ней на помощь, если Пруссия введет свои войска в шведские владения на Балтийском побережье[19].

В изложении «проекта манифеста» шведский нюанс русско-прусских отношений этого времени выглядит следующим образом:

«Берлинский кабинет, забыв, что цель и дух обязательств, которые связывали Пруссию с нами, касаются только новых посягательств Франции на севере Германии, объявил себя единственным хранителем спокойствия этой части германской империи. Он предложил Его Шведскому Величеству свернуть свои вооружения в Померании и дошел до того, что стал угрожать занятием этой провинции на том основании, что следовало лишить французов всякого предлога вторгнуться в нее. Этот шаг был столь же безосновательным, как и неуместным. Он дал бы нам понятие о размерах иностранного влияния, которое оказывало воздействие на прусский двор, если бы у нас не было еще более решительных тому доказательств в тех ничтожных переговорах, в которых французское правительство упорно использовало его в качестве орудия против нас, в чем Берлинский кабинет не осмеливался, однако, отказать, признавая в то же время неприемлемыми предложения, которые его обязывали делать.

Чем менее позволительно было нам составить себе неверное представление об истинных чувствах, которыми, как мы знали, был одушевлен король, тем более огорчительно для нас было суровое принуждение, заставившее его подавлять их».

Отметим, что эти и последующие абзацы, касающиеся этого важного в дипломатическом и военном отношении эпизода, обведены карандашом, что, вероятно, следует понимать как возможное несогласие императора с авторскими формулировками «проекта манифеста»; тем не менее эта часть проекта оставлена без каких-либо изменений и не сопровождается пометами и ремарками Александра I. Может быть, сомнение императора вызывало то обстоятельство, что далее без существенно важного перехода в документе говорится о начале военной демонстрации в рамках ранее принятых решений о коалиционных действиях держав:

«Двинув свои войска, наметив направление движения, которое они долженствовали принять, мы принимали в особое соображение гибельное положение

[19] Чарторыйский А.А. — Алопеусу М.М., посланнику в Берлине, 6 (18) октября 1804 // ВПР. Т. II. С. 167–169 и далее; см. там же примеч. 96.

Его Прусского Величества и готовились присоединить значительнейшую часть наших войск к его войскам, выдвинув их вперед, чтобы разделить его опасности и поставить его в такое положение, чтобы он мог свободно объявить Франции о своем желании и принять образ действий, достойный его державы во время переговоров.

Мы озаботились в то же время направить достаточный корпус в шведскую Померанию, чтобы прикрыть эту провинцию и тем избавить Пруссию от всякого беспокойства, которое побудило бы ее разделить свои силы, от коих характер событий мог потребовать самого сосредоточенного действия и во всей их совокупности».

Положение Пруссии в это время могло стать для нее поистине критическим. 19 августа 1805 г. Александр I писал королю: «Опасность достигла высшей степени... Ваше Величество соблаговолили заранее уверить меня в вашем содействии при таких обстоятельствах, и я не колеблюсь просить вас о нем в настоящее время»[20]. Известно, что на случай, если бы Пруссия стала уклоняться от принятых обязательств, Александром I был принят план мер, которые заставили бы ее действовать. В тот день, когда Александр I обратился к королю с вышеприведенным письмом, русскому посланнику в Берлине Максиму Максимовичу Алопеусу была отправлена «Записка... о мероприятиях по привлечению Пруссии к коалиции против Наполеона», где говорилось, что «армия, сконцентрированная в Бродах, должна вступить в пределы австрийских владений 10 (22) августа. Исходя из этой даты, следует рассчитывать все военные и дипломатические меры, направленные на то, чтобы убедить или принудить Пруссию действовать совместно с Россией и Австрией. Известие о вступлении этой армии в Австрию дойдет до Берлина к 16 (28) августа... Из С.-Петербурга к Алопеусу будет послан курьер с письмом государя императора королю прусскому и с копиями различных обязательств, существующих между Россией и другими державами. Эти документы, которые г-н Алопеус не должен соглашаться сообщать ни под каким предлогом, поставят его в известность относительно всех планов России... Г-н Алопеус использует все возможные средства, дабы склонить Пруссию к видам России... при этом он должен понять, что если Австрия займет позицию, соответствующую желаниям России, у Пруссии больше не будет никаких оправданий для отказа поступить так же». Более того, Алопеус должен был отказаться брать от официальных лиц документы, содержание которых «не соответствовало бы видам России», и предлагать отправлять их в Петербург, используя обычные, принятые в практике каналы. Предполагалось, что русско-прусские переговоры в Берлине продлятся с 16 (28) августа до 4 (16) сентября. «К этому времени... будет сконцентрирована вся литовская армия, численностью в 100 тыс. человек, из которых 40 тыс. должны будут пройти через прус-

[20] Correspondance in édite... P. 68.

ские владения, направляясь к границам Ганновера, а 60 тыс. предназначаются для оказания им поддержки в случае, если Пруссия будет препятствовать осуществлению этой меры»[21].

Для всей ситуации лета–осени 1805 г. весьма характерно то, что планы, предполагавшие участие Пруссии в антифранцузской коалиции, основывались на взаимных договорных обязательствах, принятых в мае 1804 г., в которых предусматривались различные варианты casus foederis[22], но в большей степени на более или менее твердом убеждении и самого Александра I, и его окружения (исключая А. А. Чарторыйского) в вероятности выступления Пруссии на стороне Австрии и России, вытекавшем из оценки состояния русско-прусских отношений. Этому способствовало также убеждение, что действия союзников настолько правомерны и справедливость их настолько не подлежит сомнению, что ради достижения целей коалиции и спасения самой Пруссии можно было пренебречь ее нейтралитетом. Как писал впоследствии А. А. Чарторыйский, «в случае, если бы Пруссия не согласилась присоединиться к коалиции, мы должны были (бы), не останавливаясь, идти дальше и обойтись без ее согласия»[23].

Но вернемся к интересующему нас «проекту манифеста». «Вступление наших войск в австрийские провинции не встретило трудностей, — констатируется в документе. — Поскольку войска были союзными и дружественными, а цель их назначения известна, то Венскому двору этого было достаточно, чтобы проявить радушие и облегчить им проход, и этот благородный и доверчивый образ действий Его Императорского и Королевского Величества равным образом оказал честь как его любви к миру, так и истинному пониманию его высокого положения». На фоне полного согласия, которое царило в русско-австрийских союзных отношениях, поведение Берлинского кабинета рассматривалось в «проекте манифеста» как «столь же непостижимое, как и неожиданное». В документе упоминается, что королю были направлены письма, «продиктованные полным доверием»: «Мы объявили ему о нашей решимости и наших видах; мы раскрыли перед ним настоятельную необходимость, которая определяла все принятые нами меры; в особенности мы дали ему понять, до какой степени при выборе средств и удобного момента, требуемого для прохода наших войск (через прусскую территорию. — *С. И.*), мы помышляли о том, чтобы бережно обходиться со страной и щадить ее положение».

Однако это было для прусских сторонников нейтралитета недостаточным, так как для них было очевидно, что в Петербурге, при всем дружественном

[21] ВПР. Т. II. С. 512–518.

[22] Лат., исполнение союзнических обязательств государства о начале военных действий при наступлении условий, соответствующих условиям союзного договора.

[23] *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I / Пер. с фр. А. Дмитриевой. Ред. и вступ. статья А.А. Кизеветтера. М.: К.Ф. Некрасов, 1912. Т. I. С. 354.

отношении к Пруссии, не желали менять свои планы с учетом сложного положения Фридриха-Вильгельма III, тем более что война уже началась и, казалось, в любом случае Пруссия должна была быть вовлечена в военные действия.

«Что касается этого прохода, — говорится далее в документе, — как и известного назначения наших войск, всеобщего права наций, закона добрососедства, договора о союзе (имеется в виду союзный трактат между Россией и Пруссией от 16 (28) июня 1800 г. — *С. И.*), частных обязательств, права на взаимопомощь в то время как войска[24] иностранные были снисходительно терпимы на Германской земле (подчеркнуто карандашом. — *С. И.*), как и интересов общего дела, которые необходимо было примирить с интересами самой Пруссии, то Берлинский кабинет после нескольких уклончивых и медлительных ответов[25] формально нам отказал».

Известно, что с просьбой к Фридриху-Вильгельму III о пропуске войск обращалась также и французская сторона. В первых числах сентября посланец Наполеона генерал Жерар-Кристоф Дюрок, будущий герцог Фриульский, был принят министром иностранных дел фон Харденбергом, а затем и королем, но просьба была отклонена. «Этот проект, — заявил король, — был почти абсолютно недопустимым, потому что он стремился не более не менее как приковать меня, связанного по рукам и ногам, к интересам Франции и вовлечь меня в наступательную войну, неисчислимую по своим последствиям и продолжительности...»[26]

В разговоре с М. Алопеусом фон Харденберг сказал, что «король никогда не возьмет сторону Франции, если его не вынудят изменить его собственным принципам... Кто попытается оказать давление на него, от того он, конечно, перейдет на сторону его противника»[27]. Однако этот шаг короля реально мог встретить трудности, так как проход русских и французских войск через Пруссию мог начаться почти одновременно: в сентябре император французов предполагал осуществить проход французских войск через владения курфюрста Вильгельма Гессен-Кассельского, а в сентябре же кончался срок, отмеренный инструкциями Алопеусу, по истечении которого должно было начаться вторжение русской армии в Померанию и Пруссию.

«Он (Берлинский кабинет. — *С. И.*), — говорится далее в “проекте манифеста”, — что еще хуже[28], силится представить наш демарш как[29] покушающийся

[24] Здесь вставка на полях карандашом, все буквы которой обведены затем чернилами: «французские пересекали самую линию нейтралитета, чтобы достигнуть наследственных владений нашего союзника» (АВПРИ, Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 7875. Л. 27 об.).

[25] В этом месте на поле слева в скобках помета карандашом: «Это должно быть изменено в соответствие с ходом событий» (Там же).

[26] *Ranke L. von.* Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg bis zum Jahre 1806. Leipzig: Max Duncker, 1877. Bd. I. S. 516.

[27] Ibid. T. II. S. 215.

[28] Далее зачеркнуто: «обвинить нас в насилии» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1805. Оп. 468. Ед. хр. 7875. Л. 28).

[29] Далее зачеркнуто «оскорбительный» (Там же).

на права его независимости»[30]. После этих слов в тексте следуют две фразы, которые обведены карандашом и снабжены «NB» слева на поле: «Но требовать прохода — это означало подняться до признания суверенитета Пруссии. Мы требовали этого прохода в Пруссию как друг и союзник». Вероятно, эти две фразы были сняты, так как далее следует продолжение вставок, помещенных в примечании: «после того, как на проход наших войск согласился Венский двор, лишь только они появились; мы потребовали этого не для того, чтобы продолжать войну, не для того, чтобы разжечь новую, но чтобы тем самым поддержать вместе с самой Пруссией переговоры, которые должны ее завершить». Таким образом, Александр I предполагал, если иметь в виду не только вероятность франко-прусского конфликта, но всю коалиционную войну в целом, что на переговорах с Францией союзники, точнее Россия и Пруссия, выступят единым фронтом.

В добавление к объяснениям причин требований русской стороны, обращенных к Пруссии, «проект манифеста» высказывается следующим образом: «Мы требовали прохода у той самой Пруссии, которая незадолго перед тем, для того только, чтобы предупредить новые бедствия на севере Германии, посчитала себя вправе занять шведскую Померанию, и мы должны были допустить, что с тем бо'льшим основанием она согласилась бы на вполне естественное требование прохода, которое мы заявили с целью приблизить конец продолжительным бедствиям Европы.

Отказать нам в этом проходе означало забыть обязательства, которые Пруссия приняла на себя вместе с нами; это означало войти в противоречие с чувствами, постоянно выражаемыми королем; это означало внушить подозрение к необычным мерам предосторожности, которым его кабинет неизменно следовал в отношении Тюильрийского двора; это означало бы признать перед всей Европой, что неоднократные заверения в доброй воле (сверху между строк вписано: "принципов и помыслов доброй воли", но далее вычеркнуто. — *С. И.*) неизменных, но обузданных страхом желаний, далеких от того, чтобы быть справедливыми, были основаны только на надежде, что никогда ход событий не поставит прусское правительство перед необходимостью доказывать на деле искренность своих побуждений».

Далее следуют весьма и весьма суровые оценки избранной Пруссией политики нейтралитета, которая, по мнению прусских политиков, являлась альтернативой неизбежному присоединению к одной из противоборствующих сторон:

«Тщетно Берлинский кабинет вступается за право строгого нейтралитета. Весь континент, вся вселенная вступается в свою очередь и потомство будет вступаться вместе с нами за священные права народов и таковые же права человечества.

[30] На поле слева вставка: «и под этим предлогом двинуть со всех сторон армии, чтобы воспротивиться проходу наших войск, рассматривая их, следовательно, как неприятельские» (Там же). Здесь же вставка: «Но этого прохода в Пруссию мы требовали как друг и союзник, после того...».

Отнюдь не нейтралитет между незаинтересованными державами объединяет ради умиротворения земли — честолюбивое правительство непрестанно потрясает его, чтобы вывести из равновесия. Отказаться высказаться в подобном случае означало бы отступиться от общего дела человечества, уединиться от всего европейского общества и поддерживать политическим эгоизмом холодное безразличие к общественному благу. Нет нейтралитета там, где самое бездействие непременно становится враждебным с одной стороны и покровительствующим — с другой. Если бы нужно было завоевать мир, была бы нейтральной та держава, которая для того, чтобы оставаться ею, начала бы с того, что стала бы противиться мерам, наиболее способным обеспечить нам это завоевание?»

Отношение к нейтралитету Пруссии, высказываемое в «проекте манифеста», воочию обнаруживает резкое раздражение, которое вызывал он в правительственных кругах Петербурга, ибо приходил в противоречие с интересами коалиции, открывшей военные действия против Франции.

«Так называемый нейтралитет Пруссии, еще более вызывающий беспокойство, чтобы не сказать ненависть, неизбежно посеял бы рознь и ослабил бы совокупную деятельность благонамеренных держав, — говорится далее в «манифесте», — и как только речь зашла бы о том, чтобы заключить мир силою оружия, этот самый нейтралитет был бы слишком подозрителен для того, чтобы и менее рассудительное благоразумие могло бы посоветовать его придерживаться. Французское правительство отказалось бы относиться к нему терпимо, если бы под личиною беспристрастности не просматривались бы весьма полезные дружественные отношения; если бы оно не признавало бы veto, которое было столь для него драгоценным; если бы не установило оно новую линию границ (еще более гибельную, нежели нынешняя, по известной причине (в тексте обведено карандашом. — *С. И.*)), которой министерство Наполеона будет рукоплескать, как (на поле слева — “ораторы Революции”. — *С. И.*) памфлетисты революции аплодировали во время поражения коалиции»[31].

В заключение «проекта манифеста» авторская мысль логически завершается принятием важного решения, которое, если бы ему не помешало какое-то поворотное событие, могло повлечь за собой открытие военных действий против Пруссии, что было бы противоестественным, если иметь в виду дружественный характер русско-прусских отношений, но могло вызвать энтузиазм у противницы Пруссии Австрии.

«В этом досадном событии, в котором мы никоим образом уже не встретим принципов и чувств, еще недавно руководивших Пруссией, мы можем видеть только чуждую побудительную силу или подлость сторонних интриг.

[31] На поле слева запись: «Собственноручные пометки Его Императорского Величества карандашом: не следует столь уж открыто нападать на Революцию» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1805. Оп. 468. Ед. хр. 7875. Л. 32). Эта собственноручная запись Александра I вызывает интерес, ибо это одно из весьма немногих свидетельств, отражающих взгляды императора Александра на революционное развитие в Европе.

Мы сокрушаемся по этому поводу, тем более, что все наши меры, все движения наших войск, рассчитанные на надежное содействие этой союзной державы, как только трудности, которые она поначалу нам дала предвидеть, исчезли бы, напрасны, что мы стоим перед печальной необходимостью следовать нашему плану, в коем равным образом заинтересованы столь многие державы, идти к нашей цели и рассматривать всякое противодействие как акт враждебности и формальное объявление войны против нас и наших союзников.

Мы призываем в свидетели Небо, державы Европы, саму Пруссию, что с чувством глубокой скорби мы отдали своим войскам приказ рассматривать как неприятельские прусские провинции и войска, которые захотят оказать сопротивление их проходу; но абсолютная невозможность изменить принятые меры, от которых зависит по существу участь целого континента; слава нашей армии, честь наших знамен, отринутые народом, к которому воины наши шли, чтобы обнять друзей, храбрых сотоварищей по оружию, исторгнули у нас эти суровые приказы, следствия коих должны будут приписываться одному только Берлинскому кабинету.

Мы не перестаем протягивать Его Прусскому Величеству дружескую и братскую руку и предлагать ему искренне вернуться к нашим прежним отношениям, кои никогда и ничто не должно изменить до тех пор, пока король[32], отдавшись вполне собственным своим чувствам, не присоединится к великому союзу, несущему всеобщее замирение, и не покажет опечаленной Европе, что если любовь его народа требовала в течение некоторого времени сдержанности, пагубной для его благоразумия, то та же любовь, коль скоро представится случай, потребовала от него мужества привести в движение всю его державу и явить пред всем миром имя пруссака в одном ряду с другими воюющими народами, каковые возвратят покой земле».

Так заканчивается «проект манифеста», который вопреки существующим, основанным на известных документальных источниках, представлениям недвусмысленно указывает на то, что в 1805 г. русская сторона в стремлении добиться свободного прохода через прусскую территорию не останавливалась перед объявлением состояния войны между Россией и Пруссией. Такой поворот событий был предусмотрен, и оставалось лишь ждать такого поворота, точнее — того, что Пруссия и далее будет заботиться о сохранении своего нейтралитета. Но русские войска так и не получили приказа о том, какого поведения им надлежит держаться на прусской территории; они были задержаны на границе впредь до личного свидания Александра I и Фридриха-Вильгельма III[33]. Вскоре к этому присоединилось еще одно обстоятельство: Наполеон принял решение отложить вторжение на Британские острова, и в конце сентября 1805 г. французские

[32] Далее зачеркнуто: «наилучшим образом воспринявший данные ему советы» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Ед. хр. 7875. Л. 33 об.).

[33] Александр I — Фридриху-Вильгельму III, 15 сентября 1805 г. // Correspondance in édite... P. 78–79.

войска, союзные Вюртембергу и Баварии, во главе с императором французов уже находились в пределах Швабии и Франконии. Несмотря на то что большая часть Германии (Баден, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт, Бавария и др.) были союзниками Наполеона, Пруссия отклонила предложение Наполеона о союзе и отложила решение вопроса о Ганновере, который Наполеон неоднократно предлагал Пруссии, до свидания с русским императором. Нарушение французами прусского нейтралитета в южных владениях Пруссии — Аншпахе и Байройте, которое было предпринято Наполеоном в целях более удобного соприкосновения с австрийскими армиями, было использовано Александром I для привлечения Пруссии к коалиции, поначалу на правах вооруженного посредника, а в случае неприятия Францией условий всеобщего мира — союзника.

К «проекту манифеста» приложена его копия, на которой проставлена дата «сентябрь 1805 г.», что позволяет уточнить дату составления документа. Что касается пометы о миссии Н. Н. Новосильцева, то известно, что в первой декаде сентября 1805 г. он находился в Берлине, где вел переговоры с бароном фон Харденбергом и королем, но тогда вопрос о проходе русской армии через прусскую территорию еще не стоял. Есть основания предположить, что в связи с общей ситуацией в русско-прусских отношениях Александр I планировал еще одну миссию Новосильцева в Берлин, в ходе которой прусские политики должны были быть ознакомлены с текстом манифеста. Свидание Александра I с Фридрихом-Вильгельмом III в Берлине восстановило дружественный характер русско-прусских отношений, но дата, проставленная на окончательном варианте «проекта манифеста», показывает, насколько драматичными и напряженными были переговоры, приведшие к русско-прусской конвенции о совместных действиях против Франции от 3 ноября 1805 г.

В одной из своих многочисленных записок императору, помеченной 5 апреля 1806 г., А. А. Чарторыйский писал, возвращаясь к событиям осени 1805 г.: «Если бы мы были хорошими политиками, мы давно уже должны были [бы] убедиться в двуличности Берлинского кабинета и умышленно вести дело так, чтобы иметь предлог объявить Пруссии войну». Чарторыйский полагал, что это было бы верным и, «быть может, даже единственным средством» осуществить «наше великое предприятие»[34].

Между тем, «проект манифеста», который товарищ министра иностранных дел обошел в своих мемуарах и переписке полным молчанием, поскольку, вероятно, этот документ не был известен ему, будучи составлен лицом не из окружения Чарторыйского, как раз и подтверждает то, что император Александр I и его дипломаты были «хорошими политиками», учитывая в своей практике ведения дел различные варианты развития событий. Только случайный и непродолжительный поворот во внешней политике Пруссии к решительным действиям против Франции привел к тому, что «проект манифеста» так и не был

[34] *Чарторыйский А.* Мемуары... С. 131.

подписан императором. Тщательно взвесив все «за» и «против», Александр I по зрелом размышлении счел за благо отказаться от действий, к которым собирался приступить с целью вовлечения Пруссии в коалицию. С тех пор «проект манифеста» был отправлен в архив, и более о нем и не вспоминали. Когда же в 1810–1811 гг. Александр I в новых условиях вновь собирался начать войну с Францией, ситуация повторилась, но и тогда он не стал обострять отношения с Пруссией, дожидаясь того момента, когда силою самих обстоятельств король будет вовлечен в коалицию. Такой шанс у него появился только в начале 1813 г., и наступление с востока не оставило ему иного выбора.

Abstract

S. N. Iskyul. The Russian-Prussian diplomatic incident a few months before Austerlitz

This article discussed one of the unknown diplomatic episodes of Coalition War era in 1805, namely the efforts of Alexander I to engage in anti-French coalition Prussia, without it Russia, Austria and Great Britain could hardly hope for success. Historians know that these attempts to overcome the tendency of the Prussian king to preserve its neutrality at all costs crowned a formal confirmation of the alliance between Russia and Prussia during the visit of the emperor in Berlin, but still unknown that the Russian Emperor considered the possibility of overcoming its neutrality and engaging by using force the King of Prussia in the war on the side of France hostile powers. It was assumed that by crossing Prussian boundaries Russian troops would be treated with Prussia as a hostile country. Discovered in Foreign Policy Archives of the Russian Empire (Moscow) document allows make such conclusion that generally reflects a new view of politics and diplomacy of Alexander I.

Key words: Russia's foreign policy, diplomacy, coalitions of European powers against France, Alexander I, Prussia, Napoleon.

References

Czartoryski A. Memuari knjazja Adama Czartoryskogo i jego perepiska s imperatorom Alexandrom. M.: К. Ф. Некрасов, 1912. T. 1.

Bailleu P. Correspondence in édite du Roi Frédéric-Guillaume III et de la Reine Louise avec 1' Empereur Alexandre. D'apres les originaux des Archives de Berlin et de Saint-Pétersbourg. Leipzig; Paris: H. Hirzel, 1900.

Ranke L. von. Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg bis zum Jahre 1806. Leipzig: Max Duncker, 1877. Bd. I.

Soloviev S. M. Imperator Alexandr Pervij. Politika — Diplomatija. SPb., 1877.

Sorel A. Evropa i Franzuskaja revolutija. SPb., 1908. T. 6.